Проф. И. П. Четвериковъ.

Юродство, какъ подвигъ и общій путь въ Христіанствѣ.

1955 г.

Проф. И. П. Четвериковъ.

Юродство, какъ подвигъ и общій путь въ Христіанствѣ.

Ап. Павелъ пишетъ въ своихъ посланіяхъ о юродствѣ и безуміи въ ученіи и жизни христіанства. Онъ противопоставляетъ при этомъ два міра: языческій (древній) и христіанскій (новый), міръ падшаго разума и міръ вѣры. Терминъ юродства, или «безумія» употребляется у него въ двухъ значеніяхъ: съ точки зрѣнія языческаго міра, или «міра сего», христіанство есть юродство и безуміе; съ точки же зрѣнія христіанства, наоборотъ, язычество должно быть названо безуміемъ. Если же онъ и христіанство называетъ безуміемъ и христіанъ юродивыми, то дѣлаетъ это иронически. Онъ былъ не менѣе Сократа мастеръ ироніи. Его противники изъ книжниковъ и фарисеевъ не могли простить ему той ироніи, съ какой онъ противопоставлялъ мудрость своихъ противниковъ юродству христіанъ. Терминъ юродства и безумія впервые былъ примѣненъ къ христіанамъ, точнѣе — къ ап. Павлу, Порціемъ Фестомъ, представителемъ старой римской аристократіи, прокураторомъ Іудеи. Ап. Павелъ въ концѣ своего третьяго путешествія былъ арестованъ римскими властями и долженъ былъ явить-

ся въ большой мраморный залъ базилики дворца прокуратора въ Цезареѣ. Здѣсь собралось избранное общество въ блестящихъ тогахъ во главѣ съ королемъ въ пурпурной тогѣ и въ сопровожденіи блестящихъ дамъ. Передъ ними долженъ былъ предстать ап. Павелъ въ своей поношенной одеждѣ, съ легкими цѣпями на рукахъ въ сопровожденіи солдата. Два противоположныхъ міра — старый и зарождающійся новый, безуміе и мудрость стояли другъ противъ друга. Для ап. Павла это было понятное, и не случайное временное явленіе, и необходимое слѣдствіе расчленяющаго меча Христа, дѣйствіе котораго должно продолжаться до Его второго пришествія. Передъ этимъ блестящимъ міромъ ап. Павелъ произнесъ рѣчь о пришествіи на землю Сына Божія и Его крестной смерти. Слушатели пришли въ оцѣпененіе. «Безумствуешь ты, Павелъ!» громко прервалъ его Фестъ: «Большая ученость доводитъ тебя до безумія» (Дѣян. 26, 24). Въ самомъ дѣлѣ — не миѳъ ли — распятый Богъ?!

Въ Коринѳѣ, гдѣ Павелъ основалъ христіанскую общину, явился Аполлосъ, іудей, возможно ученикъ Филона, котораго называли «платонизированный Филонъ», или «филонизированный Платонъ», человѣкъ съ «пламенной душой» (Дѣян. 18, 25), краснорѣчивый и свѣдущій въ писаніяхъ. Онъ такъ увлекъ блескомъ своихъ рѣчей коринѳянъ, что они ставили его выше Павла и желали называться учениками не Павла, а Аполлоса. Христіанская община раскололась на учениковъ Павла и Аполлоса. Это дробленіе единаго тѣла Христа произвело на Павла тяжелое впечатлѣніе. Онъ пишетъ коринѳской общинѣ по этому поводу полныя ироніи строки: «кто Павелъ? кто Аполлосъ?.. Я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ... Мы — соработники у Бога» (1 Кор. 3, 5. 6. 9); и дальше съ большимъ подъемомъ, мѣстами ритмически: «Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать безъ насъ; намъ Богъ судилъ быть какъ бы приговореннымъ къ смерти, мы сдѣлались позорищемъ для міра, для ангеловъ и человѣковъ. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христѣ; мы немощны, а вы крѣпки; вы во славѣ, а мы въ безчестіи; даже до нынѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу,

и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословять насъ, мы благословляемъ; гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимъ». Этотъ перечень перенесеннныхъ страданій, эта предъопредѣленность къ смерти заставляетъ задуматься апостола. Передъ нимъ какъ бы встаетъ обликъ гонимаго «міромъ» Христа и Его Голгоѳа. Его иронія пресѣкается, переходя къ глубокимъ мыслямъ. «Мы какъ соръ» *), какъ козелъ отпущенія, какъ очистительная жертва. Мысль апостола полна глубокаго значенія. Невольно при чтеніи этого мѣста встаетъ евангельскій образъ Спасителя: «Агнецъ Божій», берущій на себя грѣхи міра (Іоан. 1, 29), «Агнецъ, закланный отъ созданія міра» (Апок. 13, 8) **). Не Его ли имѣлъ въ виду и ап. Павелъ, когда писалъ эти строки? Не отсюда ли его паѳосъ, прервавшій иронію и перешедшій въ гимнъ нищетѣ и юродству? Мы — соръ, ничтожество, но и Христосъ принялъ зракъ раба (Филл. 2, 7), былъ распятъ, сошелъ въ бездну небытія, чтобы повернуть (katala'ssein) человѣчество, идущее туда, къ небу, къ престолу Отца. Мы — «позорище» (o'ti the'atron egeny'thymen toi ko'smoi, въ нѣмецкомъ переводѣ Schachter: wir sind ein Schauspiel geworden der Welt),

---

*) Такъ переведено греческое слово perika'tharma. Но это слово имѣетъ и культовое значеніе: у грековъ такъ назывался наихудшій человѣкъ, на котораго возлагались преступленія полиса и который для очищенія этого полиса изгонялся въ незаселенныя мѣста (въ пустыню). У евреевъ такъ назывался «козелъ отпущенія», на котораго такъ же въ опредѣленномъ всенародномъ ритуалѣ возлагались грѣхи народа и который такъ же изгонялся въ пустыню. Эта религіозная церемонія была поучительнымъ и въ то же время очистительнымъ зрѣлищемъ для еврейскаго народа. Не отсюда ли аристотелевское понятіе «ka'tharsis», какъ смысла трагедіи? Слово perika'tharsis переведено Franz Eugen Schlachter (1904 г.) въ Библіи: «zu Sündenböcken der Welt...»

**) Повидимому такъ понимали это мѣсто посланія къ Кор. и въ первые вѣка христіанства: Оригенъ называлъ мучениковъ «perikathermata tou ko'smou». См. Lexicon Manuel von Bretschneider. 1840. Стр. 326

но зрѣлище нашего позора зоветъ зрителей къ покаянію, какъ «зрѣлище» на Голгоѳѣ заставило одного изъ разбойниковъ раскаяться, другого смолкнуть, а римскаго сотника признать въ распятомъ праведника (Лук. 23, 48), и собравшійся на зрѣлище народъ разойтись, «бія себя въ грудь». Терминъ «юродство» пересталъ быть для ап. Павла только ироніей; въ юродствѣ для него раскрылась его глубина, его другая сторона: юродство, — какъ послѣдняя грань смиренія и любви, какъ подвигъ, какъ зовъ къ людямъ отвернуться отъ «міра сего» и войти въ семью сыновъ Божіихъ.

Подвигъ юродства былъ основанъ у ап. Павла на противоположеніи двухъ міровъ — древняго и новаго. Древній міръ былъ міромъ эгоцентризма и вмѣстѣ съ этимъ атомизаціи бытія и человѣческой души. Разумъ былъ изолированъ не только отъ Бога, но и отъ духа въ человѣкѣ, и отъ всѣхъ остальныхъ способностей души — сердца, чувства, воли; онъ сталъ послѣднимъ и крайнимъ судьей въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ истины и добра; его основнымъ орудіемъ сталъ анализъ, разложившій данный Богомъ законъ на безконечное количество изолированныхъ правилъ на всѣ возможные случаи жизни. Законъ Божій превратился въ сѣти, которыя такъ окутали человѣка, что онъ не могъ ступить шагу безъ провѣрки его безконечными правилами и безъ заранѣе заготовленныхъ самооправданій, выработанныхъ изворотливостью того-же разума софистическихъ уловокъ на случай неожиданнаго нарушенія закона. Заповѣдь Божія была замѣнена «преданіями» (Мѳ. 15, 5. 6). Эти лукавства и изворотливость мышленія стали характерной чертой еврейской націи. Ап. Павелъ со школьной скамьи Гамаліила хорошо зналъ эту абстрактную и лукавую дрессировку ума. Разуму падшаго человѣка онъ не придавалъ большого значенія, считалъ его источникомъ дѣйствительнаго безумія и потому рѣшительно противопоставлялъ ему Вѣру въ томъ особенномъ смыслѣ, который былъ чуждъ древнему міру. Вѣра съ его точки зрѣнія — не вѣроятность отвлеченныхъ построеній разума, не интуиція, не способность прозрѣнія въ глубины Божественнаго промысла, что' ап. Павелъ называлъ «гносисомъ», не изолированная способность души. Не способность вообще, а сила, охватываю-

щая всю душу человѣка, вводя въ нее ожидаемое, какъ осуществленное, и невидимое, какъ «обличенное , или раскрытое въ своей сущности (Евр. 11, 1) *). Вѣра противостоитъ знанію. Они различны по объектамъ, съ которыми имѣютъ дѣло: знаніе связано съ воспріятіями внѣшними чувствами внѣшней, поверхностной стороны бытія; Вѣра — съ объектами, данными ей въ откровеніи. Вѣра и знаніе различны и по своимъ истокамъ: разумъ — въ человѣкѣ и отъ человѣка и потому автономенъ и индивидуаленъ; Вѣра — отъ Бога и потому есть тайна (1 Тим. 3, 9) и сила, не дробящая, а объединяющая. Они различны, наконецъ, и по ихъ отношенію къ жизни души, въ частности по отношенію къ человѣческой дѣятельности, которая не стоитъ въ непосредственной связи съ разумомъ, а зависитъ прежде всего отъ влеченій человѣка; Вѣра же, охватывающая всю душу человѣка, есть основной и мощный, отъ Бога идущій источникъ его дѣятельности (2 Кор. 5, 7); жизнь знанія эгоцентрична, жизнь вѣры — единство въ любви. Вѣрѣ и знанію соотвѣтствуютъ два различныхъ типа міра и жизни. Но въ своемъ различіи они не исключаютъ другъ друга абсолютно: Вѣра не отрицаетъ міра воспріятій и эгоцентрической жизни въ немъ, но стремится преобразовать ихъ, — поднять до міра вѣчности, смѣнивъ эгоцентризмъ любовью; знаніе стремится подчинить вѣру себѣ и любовь принципу полезности. Отсюда — ихъ непрестанная борьба, составляющая сущность на поверхности протекающей новой исторіи, начало которой дано въ Дѣяніяхъ апостольскихъ. Ап. Павелъ не отрицалъ миссіонерскую дѣятельность Аполлоса — Платона, но самъ не становился на этотъ путь, предпочитая объединяющую вѣру и раздѣляющій мечъ Христа. Эти два міра и два жизненныхъ пути соотвѣтствуютъ двумъ видамъ мудрости — Божеской и человѣческой и двумъ типамъ юродства: иронически — во Христѣ и буквально — въ

---

*) У ев. Іоанна этотъ терминъ «e'leghos» («обличенный») означаетъ — дѣлать явнымъ, видимымъ, реальнымъ при свѣтѣ (Іо. 3, 20); тоже и у ап. Павла (Еф. 5, 13). Русское «обличать» начать обнаружить, сдѣлать явнымъ, освѣтить: ta de pa'nta elegho'mena ypo' tou foto's.

«мірѣ семъ».

Понятія юродства въ ироническомъ и буквальномъ смыслѣ охватываютъ у ап. Павла не только языческую философію и христіанскую мудрость — Вѣру, но и всю жизнь человѣческую, включая культуру и цивилизацію. Борьба теоретическая неизбѣжно переходитъ въ практическую. Но между Вѣрой и знаніемъ возможенъ и компромиссъ. Въ наше время многіе готовы принять христіанство, какъ вѣру, не смотря на его «юродство», принять «вопреки разуму»; но не считаютъ возможнымъ строить на Вѣрѣ жизнь международную, общественную, экономическую и даже индивидуальную. Здѣсь, говорятъ, недопустимо юродство, здѣсь все должно быть основано на разумѣ. Такая двойственность Вѣры и жизни — обычное явленіе нашего времени. Но она была абсолютно чужда Господу Іисусу Христу: Его жизнь была ученіемъ и Его ученіе жизнью. Ап. Павелъ посланіе къ Ефесянамъ начинаетъ съ торжественнаго раскрытія величайшей мистеріи строительства нашего спасенія, составляющаго основу космической исторіи. Божественная истина не внѣ исторіи; она осуществляется въ реальномъ историческомъ мірѣ черезъ Церковь, живущую въ исторіи, какъ ея «столпъ и утвержденіе» (1 Тим. 3, 15). Въ христіанствѣ жизнь и ученіе одно: жизнь есть раскрытіе и воплощеніе ученія. «Юродство» христіанства одновременно должно быть и «юродствомъ» жизни христіанъ. Если ученіе Христа было соблазномъ для іудеевъ и безуміемъ для эллиновъ, то такимъ же соблазномъ и безуміемъ должна была казаться міру и Его жизнь. Обычно изображаютъ жизнь Христа не какъ страданіе отвергнутой людьми Божественной любви, а какъ милующую любовь въ нашемъ обычномъ пониманіи, а Его страданія, какъ замѣну нашихъ. Въ дѣйствительности было не такъ. Наиболѣе полный образъ Христа данъ евангелистомъ Іоанномъ. Онъ изобразилъ Его какъ вѣчное Слово Божіе, какъ вѣчность и свѣтъ, вошедшіе во время и тьму; пріятіе Имъ въ крещеніи грѣховъ міра, призывъ учениковъ для осуществленія на землѣ спасающей міръ воли Отца; вмѣстѣ съ этимъ яркую картину Его отношеній къ людямъ и къ Отцу въ двухъ событіяхъ: «бракъ въ Канѣ Галилейской» и изгнаніе торгу-

ющихъ изъ храма. Въ первомъ показана Его полная любви заботливость о радости бѣдныхъ людей и Его первое чудо, къ которому Его склонила безграничная жалость Его Матери, хотя «еще не пришелъ часъ Мой». Во второй — Его ревность къ славѣ Отца, проявившаяся въ изгнанiи торгующихъ изъ Храма. Оба повѣствованiя помѣщены въ началѣ Евангелiя не по хронологическимъ соображенiямъ, до которыхъ не было дѣла Тайновидцу Iоанну, своимъ взоромъ всегда проникавшимъ сквозь время къ вѣчности, а по яркости фактовъ; второй говоритъ объ схватившемъ Его, казалось, безумiи: свитымъ изъ веревокъ бичемъ Онъ изгоняетъ со двора Храма собранный здѣсь торговцами скотъ для жертвоприношенiй, опрокидываетъ столики мѣнялъ и разсыпаетъ ихъ деньги. Нѣжная любовь къ людямъ и «безумiе» ревности — два основныхъ момента въ жизни Христа. Возьмемъ факты конца Его земной жизни и прежде всего Его входъ въ Iерусалимъ, который въ религiозной литературѣ часто изображается какъ торжественное, прославляемое народомъ (крики: «Осанна Сыну Давидову!») вступленiе по разстеленнымъ одеждамъ въ царственный городъ. Казалось, мы имѣемъ здѣсь воспроизведенiе древняго обычая — торжественное возвращенiе побѣдителя съ побѣдными трофеями, въ окруженiи блестящихъ всадниковъ. Въ сравненiи съ этимъ входъ Господень въ Iерусалимъ есть «юродство». Онъ посылаетъ Своихъ учениковъ въ село привести съ разрѣшенiя хозяина «подъяремную» (рабочую) ослицу съ жеребенкомъ. Апостолы кладутъ на послѣдняго свои одежды. Христосъ садится и, окруженный немногочисленными рыбаками, ѣдетъ на осленкѣ, который бѣжитъ за своею матерью. Есть ли это торжественное вступленiе въ столицу будущаго царя? Не пародiя ли это на царственный входъ? Его привѣтствуютъ, какъ сына Давида простой народъ (фарисеи и книжники не принимаютъ участiя; они присутствуютъ, но не протестуютъ) и дѣти (Мѳ. 21, 11); народъ же постилаетъ по дорогѣ одежды. Но тотъ же народъ на вопросы въ Iерусалимѣ: «кто это?» отвѣчаетъ: «пророкъ изъ Назарета», не царь — Мессiя, а просто пророкъ, къ тому же изъ презираемаго Назарета. Моментъ глубокой важности! Съ одной стороны у всѣхъ въ душѣ мечта о Мессiи — царѣ, съ другой въ реальности «театръ» «царска-

го» входа въ Іерусалимъ, въ конецъ разбивающій мечту. Не здѣсь ли причина того, что народъ, кричащій: «осанна Сыну Давидову», черезъ нѣсколько дней будетъ кричать: «распни Его!» Отъ этого зрѣлища до Голгоѳы — одинъ только шагъ.

Христа судятъ, Онъ не защищается, чаще молчитъ и не отвѣчаетъ на поставленные Ему вопросы и вызываетъ удивленіе синедріона и римскихъ судій. Пилатъ выводитъ Его избитымъ, въ шутовской одеждѣ царя, съ терновымъ вѣнцемъ на головѣ къ народу: «вотъ человѣкъ!» «Распни Его», кричитъ народъ. «Царя ли вашего распну?» Опять насмѣшки, опять зрѣлище юродства! Наконецъ, Онъ пригвожденъ къ кресту, позорная казнь того времени. Надъ Его головою — надпись: «Іисусъ Назорей царь Іудейскій». Теперь уже послѣднее зрѣлище послѣдней грани «позорища».

Не тоже ли „безуміе" въ жизни апостоловъ? Ап. Павель, „страдалецъ, а въ концѣ и узникъ", говоритъ о своихъ трудахъ, ранахъ, темницахъ, побіеніи камнями, кораблекрушеніяхъ, объ опасностяхъ на рѣкахъ, отъ разбойниковъ, единоплеменниковъ, въ пустынѣ, на морѣ, между лжебратіями, въ голодѣ, жаждѣ, часто постѣ, на стужѣ и въ наготѣ (2 Кор. 11, 21—29), и все это за проповѣдь „безумія". Развѣ это — не безумная жизнь? Развѣ не ту же жизнь вели другіе апостолы? Развѣ не ту же жизнь вели всѣ первые христіане? Сожженіе на кострахъ, растерзаніе звѣрями въ циркахъ, распятіе и т. п., и на всѣ эти страданія они шли съ гимнами Богу, съ сіяющими лицами подобно первомученику Стефану (Дѣян. 7, 55—60). Развѣ это — не жизнь безумцевъ?

Въ русской Церкви было много юродивыхъ, особенно чтимыхъ русскимъ народомъ. Преподобный Сергій въ „многошвейной" (заплатанной) рясѣ съ лопатой или топоромъ въ рукахъ на огородѣ или въ лѣсу, пекущій хлѣбы, шьющій одежды своимъ ученикамъ, рано утромъ приносящій изъ-подъ горы воду и дрова къ дверямъ келій своихъ учениковъ. Его ученикъ св. Павелъ Обнорскій, 3 года лѣ-

то и зиму прожившій въ дуплѣ дерева въ непроходимомъ сѣверномъ лѣсу. Развѣ это — не юродство? Старецъ Леонидъ Оптинскій (XIX в.), св. Серафимъ Саровскій, весь внѣшній обликъ котораго: бѣлый балахонъ, подпоясанный полотенцемъ, наполненный камнями рюкзакъ на спинѣ, пасхальное привѣтствіе встрѣчнымъ и посѣтителямъ, говорятъ о томъ же юродствѣ. Онъ благословилъ юную монахиню на смерть, а семейную женщину на тяжелый подвигъ юродства, какъ борьбы съ „міромъ".

Но юродство — не русская только или восточная форма святости; она значительно рѣже, но встрѣчается и на Западѣ. Многимъ извѣстенъ обликъ св. Франциска Ассизскаго, изможденнаго, всегда босого, въ старой монашеской одеждѣ, подпоясанной веревкой, съ всклокоченными нечесанными волосами; но не всѣмъ, вѣроятно, извѣстна легенда о его встрѣчѣ съ могущественнымъ и богатѣйшимъ папой Иннокентіемъ 3-мъ. Онъ пришелъ къ нему съ просьбой о признаніи монашескимъ орденомъ небольшого кружка своихъ учениковъ.

— Иди, братъ мой, къ свиньямъ, съ которыми ты имѣешь больше общаго, чѣмъ съ людьми, валяйся съ ними въ грязи и упражняйся въ проповѣдяхъ имъ, — отвѣтилъ ему папа.

На другой день св. Францискъ снова явился къ папѣ:

— Господинъ, я выполнилъ твое приказаніе, выполни и ты мою просьбу.

Развѣ это не юродство?

Въ исторіи новой культуры душа человѣка стала настолько разсудочной, что мы въ извращенномъ послѣ грѣхопаденія разумѣ видимъ основной источникъ культуры и цивилизаціи, претендующихъ на оцѣнку всего вѣчнаго и абсолютнаго, не сознавая, что онъ вноситъ зло не только въ то, что какъ будто нейтрально съ религіозно-моральной точки зрѣнія, но даже въ то, что „міру" кажется морально

высокимъ (любовь къ родинѣ, къ семьѣ, къ наукѣ и искусству); что черезъ эту культуру онъ разлагаетъ и самаго себя, если земныя привязанности ставитъ выше своихъ отношеній къ Богу, цѣнности временныя смѣшиваетъ съ вѣчными, свой разумъ ставитъ выше Бога.

Христіанинъ не можетъ принять жизни „міра сего". Съ этой точки зрѣнія понятенъ уходъ изъ міра Сергія Радонежскаго, Павла Обнорскаго, Франциска Ассизскаго и многихъ вообще, если они уходятъ въ монастырь не только какъ въ „духовную врачебницу", не для аскетическихъ только подвиговъ, но и для отказа отъ „міра сего", протеста противъ него; такіе люди достаточно духовно развиты, чтобы почувствовать дыханіе зла секуляризированныхъ культуры и цивилизаціи.

Но можно ли то же сказать о массѣ монашества и даже о такихъ юродивыхъ, какъ Пелагія Серебренникова, св. Василій Блаженный, на Западѣ швейцарскій старецъ изъ крестьянъ Николай изъ Флюэ и т. д.? Могли ли они что либо знать о вредѣ „чистаго" разума, о морально разлагающемъ вліяніи секуляризированной культуры и цивилизаціи? Вѣроятно — нѣтъ. Но кромѣ разума человѣкъ обладаетъ непосредственнымъ, инстинктивнымъ „чувствомъ" (А. Бергсонъ), откровеніемъ свыше, которое можетъ быть яркимъ и мощнымъ, хотя и не выраженнымъ въ логическихъ понятіяхъ (потому, можетъ быть, и мощнымъ?). Это — „зовъ Божій" въ человѣкѣ, доступный младенцамъ, но не улавливаемый тѣми, у кого огрубѣло сердце, и кто „видя не видитъ и слыша не слышитъ" (Ис. 6,9—10; Мѳ. 13,15). Юродивая Пелагія говорила: „Серафимъ меня испортилъ", гораздо яснѣе Николай изъ Флюэ, который слышалъ голосъ изъ облака: „онъ — глупъ и потому долженъ отдать себя Богу". Русскій народъ называетъ юродивыхъ „Божьи люди" и не только не смѣется надъ ними, но внутренно „ощущаетъ", хотя не всегда понимаетъ смыслъ ихъ юродства.

Юродство не всегда искренно, иногда оно притворно съ цѣлью — среди монаховъ „выдвинутися" (о. Ферапонтъ

въ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы"), среди мірянъ — получить даровой пріютъ и питаніе. Но этимъ притворствомъ можно обмануть горожанъ, чаще потерявшихъ способность непосредственнаго усмотрѣнія, но не святыхъ монаховъ и не крестьянъ.

Само собою понятно, что люди „міра сего" должны относиться очень отрицательно къ юродивымъ; они смѣются надъ ними, бьютъ ихъ, насильственно держатъ взаперти, даже на цѣпи, чтобы лишить возможности показываться въ народѣ. Даже въ XX в. „образованное" общество возмущалось, а полиція преслѣдовала извѣстнаго въ Россіи о. Іоанна Кронштадтскаго, когда онъ, отдавъ послѣднимъ бѣднякамъ свою обувь, босымъ возвращался домой по улицамъ Кронштадта съ крестами и орденами на груди. Это считалось безуміемъ, позорнымъ зрѣлищемъ.

Въ Россіи подвигъ юродства принялъ новую форму активной, можно сказать аггрессивной борьбы съ „міромъ симъ". Юродивый становился сознательно актеромъ. Въ каждомъ человѣкѣ можно различать двѣ жизни: одна — въ его послѣдней глубинѣ, другая — на поверхности сознанія, навиду у всѣхъ людей. Первая интимная жизнь есть жизнь для себя; она часто остается тайной для другихъ, которымъ доступна только вторая. На послѣднюю частично оказываетъ вліяніе первая, для всѣхъ скрытая жизнь, но между ними возможенъ полный разрывъ. Въ этомъ случаѣ рѣчи и поступки человѣка — или только завѣса, скрывающая внутренній міръ, или же — то педагогическіе, то актерскіе пріемы воздѣйствія на другихъ для отвлеченія ихъ отъ „міра сего" *). Внутренніе переживанія юродивыхъ большею ча-

*) Для объясненія переживанія радости зрителя, передъ которымъ на сценѣ представлены страданія героя трагедіи въ результатѣ его столкновенія съ рокомъ, Аристотель въ частично дошедшей до насъ „Поэтикѣ" ссылается на сострадание и очищеніе. Страданія героя трагедіи, вызванныя его борьбою съ судьбой, сопереживаются зрителемъ вслѣдствіе сострадания и очищаютъ его душу отъ мел-

стію скрыты отъ окружающихъ; своими рѣчами и поступками они, какъ актеръ въ театрѣ, пытаются воздѣйствовать на людей, отвлечь ихъ отъ „міра сего" и привлечь къ строенію новой жизни. Въ этой встрѣчѣ юродивого съ „міромъ" послѣдній становится „театромъ", люди — его зрителями, которые, какъ въ греческомъ театрѣ, принимаютъ активное участіе въ дѣйствіи на сценѣ; юродивый — актеръ-сатирикъ, вызывающій ненависть и преслѣдованія со стороны обличаемыхъ. Столкновенія между актеромъ и зрителемъ неизбѣжны, какъ неизбѣжны страданія актера, и эти страданія — новое, помимо сатиры, средство воздѣйствія на зрителей: страданія человѣка отъ человѣка, переносимыя предѣльно смиренно, должны вызвать сострадание и провѣрку себя и жизни въ „мірѣ". На этомъ было основано и желаніе Пилата показать народу избитаго и поруганнаго Христа. „Вотъ человѣкъ", сказалъ онъ іудеямъ. Послѣдніе отвѣтили на этотъ показъ не только крикомъ — „распни Его!", но и уходомъ съ Голгоѳы въ раскаяніи „бія себя въ грудь". Не послѣдній только моментъ Голгоѳскаго зрѣлища, но весь процессъ суда, включая сцену показа Христа народу Пилатомъ, очищающе (katha'rsis) подѣйствовалъ на зрителей этого юродства — тягчайшаго подвига страданій, въ основѣ котораго лежала любовь къ людямъ.

Но не искусственное ли это толкованіе подвига юродства? Есть ли въ житіяхъ юродивыхъ указаніе на это? На послѣдній вопросъ можно опредѣленно отвѣтить: въ житіяхъ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній. Но ихъ и нельзя искать тамъ, потому что „житій" юродивыхъ, можно сказать, нѣтъ; есть чисто біографическія указанія на время рожденія и смерти, начала ихъ юродства и — дальше — часть житій съ внѣшнимъ описаніемъ нѣкоторыхъ, примѣрныхъ непріятностей повседневныхъ и мелкихъ столкновеній съ рокомъ; эти мелкія страданія какъ бы утопаютъ въ космически-трагическихъ страданіяхъ героя. Такъ же въ повседневной жизни душа зрителя, присутствующаго при страданіяхъ юродиваго, преслѣдуемаго „міромъ симъ", очищается отъ привязанности къ этому міру.

ныхъ, проявленій юродства, но въ нихъ нѣтъ анализа ихъ внутренней жизни. Съ одной стороны, подвигъ юродства чаще всего чуждъ и непонятенъ составителямъ житія; люди обычно не могутъ проникнуть во внутренній міръ юродивыхъ; съ другой стороны, юродивые внутренно чувствуютъ необходимость борьбы съ „міромъ", но не могутъ облечь это чувство въ соотвѣтствующія понятія; языкъ ихъ высказываній по необходимости миѳологическій, а не логическій, давно уже забытый и утерянный людьми. Разумъ, слишкомъ овладѣвшій душою человѣка, сѣтью своихъ категорій и формъ можетъ изъ богатѣйшаго моря душевной жизни выловить и поднять къ сознанію только немногія, на поверхности лежащія переживанія. Процессъ энтмиѳологизированія, такъ упорно проводимый Бутлеромъ, начатъ не имъ, а старымъ раціонализмомъ. Другая причина отсутствія житій юродивыхъ состоитъ въ томъ, что полностью охватившая ихъ жажда борьбы съ міромъ закрываетъ не только отъ внѣшняго міра, но и отъ нихъ самихъ ихъ сложную внутреннюю жизнь; она опускается въ глубину, оставляя на поверхности только жажду такой отдачи себя Христу и борьбы съ міромъ до послѣдняго конца.

При такой концентраціи сознанія не можетъ быть и рѣчи о наблюденіи и анализѣ своей внутренней жизни. Солдатъ въ моментъ боя — плохой наблюдатель своихъ переживаній. Онъ, имѣю въ виду русскаго солдата, идетъ на войну съ мыслью отдать жизнь свою за Вѣру и родину, но въ моментъ боя всѣ пережитыя имъ думы и чувства закрыты для него туманомъ жуткаго настоящаго. Юродивый, какъ солдатъ, въ горячкѣ боя живетъ только боемъ, только — жажда отдаться Христу и бороться съ міромъ. Такое состояніе можетъ быть или почти непрерывающимся, или временами, какъ морскіе приливы заливающими ихъ душу. Задонскій юродивый Антонъ Алексѣевичъ, или, какъ онъ самъ себя называлъ, «Антонушка-юродивый» впадалъ иногда въ безпокойство (?) и бывалъ даже грозенъ, съ палкой бѣгалъ по монастырю, выгонялъ злыхъ духовъ, сверкающимъ взоромъ проникалъ въ души встрѣчныхъ, «безпощадно обличая» ихъ; но что за причина этихъ внезапныхъ гнѣвныхъ настроеній и безжалостныхъ обличеній остается

тайной его души. Юродивые не всегда юродствуютъ. Пелагія Серебренникова ночью въ Арзамасѣ у родителей и въ Дивѣевскомъ монастырѣ въ вырытой ею ямѣ вплоть до утра, стоя на колѣняхъ, обращенная на востокъ, молилась и особенно усердно творила молитву Іисусову, сопровождая ее слезами и земными поклонами. Только днемъ въ своемъ «театральномъ» нарядѣ выходила на людныя улицы, мѣста народныхъ сборищъ и совершала «позорище міра сего». Уже это говоритъ о томъ, что юродивый ищетъ „зрителя" и „гонителя", ждетъ мученій отъ нихъ не для себя, а все для тѣхъ же зрителей. Юродство не есть болѣзнь или безуміе, въ немъ — глубокій смыслъ, обличеніе зрителя. Московскій юродивый, встрѣтивъ Іоанна Грознаго по окончаніи церковнаго богослуженія, пригласилъ его въ свое помѣщеніе подъ церковью и предложилъ ему обѣдъ: на столѣ стояли блюда съ кусками сырого мяса. „Это, сказалъ онъ, — по твоему вкусу". Неслыханная дерзость жесточайшему царю! Іоаннъ понялъ намекъ на свою жестокость и въ гнѣвѣ поднялъ свою палку съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, чтобы пронзить юродиваго, но сдержалъ свой гнѣвъ, боясь народнаго гнѣва. Иногда такіе „показательные уроки" носили мирный, даже любовный характеръ. О томъ же Задонскомъ Антонушкѣ-юродивомъ разсказываютъ. Въ Задонскъ пришли на богомолье двѣ женщины. Одна считала себя окончательно погибшей грѣшницей; другая несомнѣнной праведницей. Встрѣтившій ихъ юродивый старецъ далъ имъ такую задачу: грѣшницѣ — найти и принести большой, ей едва подсилу камень; праведницѣ собрать и принести такое же по тяжести количество мелкихъ камешковъ. Когда онѣ исполнили это заданіе, юродивый старецъ приказалъ отнести камни обратно и положить ихъ на тѣ же мѣста, гдѣ они были взяты. Первая легко нашла слѣдъ своего камня; вторая въ смущеніи должна была признать, что рѣшительно не помнитъ мѣста, гдѣ лежали ея камешки и должна была принести ихъ обратно. „Теперь послушайте меня, сказалъ старецъ, въ дорогѣ сюда вы говорили о своихъ грѣхахъ. Первая, съ большимъ грѣхомъ, считала себя потерянной; вторая, дѣлавшая только мелкіе грѣхи, не замѣчала ихъ, не замѣчала и постепенно вырабатывавшейся въ ней грѣховной привычки; ей казалось, что

ей не въ чемъ каяться. Но ея грѣховная привычка незамѣтно для нея самой отягощала ея душу не менѣе, чѣмъ большой грѣхъ первой. Грѣховная тяжесть у васъ обоихъ одинаковая; обѣ вы одинаково виноваты передъ Богомъ: первая своимъ грѣхомъ и невѣріемъ въ милость Божію, вторая — въ своихъ мелкихъ грѣхахъ и слѣпой нераскаянности. Первая можетъ сейчасъ же идти на исповѣдь съ надеждой на Божіе прощеніе; вторая должна до исповѣди тщательно провѣрить свою жизнь, чтобы найти свои мелкіе, но постоянные грѣхи". Юродивый здѣсь — учитель, грѣшники — школьники на урокѣ нагляднаго обученія. Здѣсь — тоже Голгоѳа, но не распятаго Христа, но іудеевъ, бьющихъ себя въ грудь и съ душевной мукой раскаянія покидающихъ „зрѣлище". Примѣромъ юродства-сатиры, наносящей удары совѣсти зрителей — слугъ „міра сего", и муки, подобной (но не вполнѣ) голгоѳскимъ мукамъ Христа, можетъ служить житіе юродивой Пелагіи Серебренниковой, „Серафимы Серафимовой". На меморіальной доскѣ, висѣвшей на задней стѣнѣ Дивѣево-Троицкаго собора противъ алтаря, была выбита надпись: „Пелагія Ивановна Серебренникова, урожденная Сурикова, по благословенію Старца Божія Іеромонаха Сераѳима, за святое послушаніе, оставила все счастіе земной жизни: мужа, дѣтей, принявъ на себя подвигъ юродства, и приняла гоненія, заушенія, біенія и цѣпи Христа Господа ради. Родилась въ 1809 г., прожила въ монастырѣ 47 лѣтъ и 3 января 1884 г. отошла ко Господу 75 лѣтъ отъ роду..." и въ самомъ концѣ: „Свято-Троицкаго Серафимо-Дивѣевскаго монастыря Серафимовъ Серафимъ, блаженная Пелагія". Къ данной въ этой надписи біографіи можно прибавить немногое. Она — дочь зажиточнаго купца города Арзамаса. Въ дѣтствѣ послѣ очень недолгой болѣзни она неожиданно для ея родителей превратилась изъ умнаго и живого ребенка въ непонятную, какъ бы глупую, всѣхъ сторонящуюся дѣвочку, потомъ дѣвушку. Родители рѣшили, не смотря на ея сопротивленія, выдать замужъ. Сохранился одинъ случай изъ ея страннаго поведенія въ день смотринъ: за чаемъ она начала изъ своей чашки поливать чаемъ цвѣточки, изображенія на матеріалѣ ея платья. Несмотря на ея странности свадьба состоялась. У нея были дѣти: два рано умершихъ сына и

дочь, которую она отнесла къ своей матери: „ты выдавала меня замужъ, ты и няньчись. Я домой не вернусь". Съ этого момента началась новая стадія ея юродства. Незадолго передъ этимъ она съ мужемъ ѣздила въ Саровъ. Старцъ Серафимъ много часовъ бесѣдовалъ съ нею наединѣ и, отпуская, подарилъ ей четки. Можно думать, что онъ благословилъ ее на подвигъ юродства. Въ послѣдствіи она, объясняя свое поведеніе, говорила: „Старецъ Серафимъ меня испортилъ". Вся ея жизнь съ момента юродства стала сплошной мукой. Мужъ и по его порученію полиція съ согласія матери били ее нещадно; мужъ запиралъ въ домѣ, приковывалъ цѣпями къ стѣнѣ, но ничто не помогало: она срывалась съ цѣпи и снова убѣгала на улицу. Юродствовала она только днемъ и только на многолюдныхъ улицахъ; ея юродство состояло въ томъ, что она надѣвала шелковое платье, повязывала голову съ непричесанными волосами грязной тряпкой и босою ходила по улицамъ. Надъ ней смѣялись, въ нее бросали камни, интеллигентная публика, возмущаясь, требовала отъ полиціи ея удаленія. Полиція ее ловила и передавала мужу, а впослѣдствіи, когда мужъ отъ нея отказался, — матери. Дома ея уличное юродство заканчивалось новыми побоями. Мать снова поѣхала съ нею въ Саровъ. Старецъ Серафимъ строго запретилъ лишать ее свободы и бить. Домашнія преслѣдованія кончились послѣ этого; теперь она свободно уходила юродствовать, а ночи проводила въ непрестанной слезной молитвѣ. Питалась въ очень ограниченномъ размѣрѣ хлѣбомъ и водой. Въ 1837 г. Дивѣевскій монастырь взялъ ее къ себѣ. Но юродство и побои со стороны приставленныхъ къ ней женщинъ не прекращались и здѣсь. Ея юродство характеризовалось монахинями какъ буйство и самоистязаніе: билась головой о стѣны, кидала камни въ монастырѣ, лѣто и зиму ходила босая, становилась на гвозди, носила за пазухой тяжести. Сна она почти не знала: всѣ ночи, а часто и днемъ молилась въ вырытой ею на монастырской усадьбѣ ямѣ; особенно много упражнялась въ „молитвѣ Іисусовой" съ четками для земныхъ поклоновъ въ рукахъ; часто и подолгу плакала; на участливые вопросы отвѣчала: „нѣтъ, это я такъ. Надо мнѣ плакать, вотъ я и плачу", никого она не вводила въ свою внутреннюю жизнь, навсегда оставшу-

юся загадкой. Ея любовь была такою же безмѣрной, какъ и ея жажда мукъ. Она всю жизнь любила своего мужа, несмотря на перенесенныя отъ него страданія. „Сергушка, говорила она впослѣдствіи, во мнѣ все ума искалъ, да мои ребра ломалъ; ума-то не сыскалъ, а ребра-то всѣ переломалъ". Всѣ пережитыя ею муки она разсматривала какъ стремленіе окружающихъ вернуть ее къ „разуму". Не съ нимъ ли она боролась такъ упорно и самоотверженно? Лѣтомъ 1848 г. она вдругъ начала стонать и плакать. „Умираетъ онъ, говорила она о своемъ Сергушкѣ, да и умираетъ то какъ? безъ причастія". Вскорѣ выяснилось, что въ этотъ день ея мужъ, жившій за тысячи верстъ отъ нея уже десятки лѣтъ, дѣйствительно смертельно заболѣлъ и со стономъ говорилъ: „охъ, Пелагея Ивановна, матушка, прости ты меня, Христа ради! Не зналъ я, что ты терпишь Господа ради. А какъ я билъ-то! Помоги мнѣ, помолись за меня!" Это — одинъ изъ вырванныхъ ею юродствомъ изъ власти „міра сего" и обращенныхъ къ Богу. За него она молилась до своей смерти. За него ли только? Вѣроятно и за всѣхъ своихъ мучителей. Вѣроятно не одинъ ея мужъ, но и многіе зрители и мучители были оторваны отъ „міра сего". Ея любовь была такъ же безмѣрна, пламенна, какъ и вся ея жизнь къ Богу устремленная. Она дѣйствительно была „Серафимовъ Серафимъ" (евр. — пламенный) — пламя отъ пламени, — съ пламенной жаждой привести міръ къ Богу, отъ Котораго онъ отпалъ. Умерла она съ словами: „кто меня помнитъ, того и я помнить буду. Но если буду имѣть дерзновеніе, за всѣхъ буду молиться".

Въ этомъ очеркѣ юродивой Пелагіи сдѣлана попытка проникнуть въ смыслъ сатирическаго трагическаго юродства на основѣ скудныхъ данныхъ о внѣшнихъ проявленіяхъ этой формы русскаго юродства. Это — полная отдача себя Христу, активная и рѣшительная борьба съ «міромъ», полная переоцѣнка всѣхъ установившихся цѣнностей новаго времени. Но требуется ли это Христомъ? Не ближе ли къ христіанству мирная, безъ борьбы осуществляемая перестройка «мудрости» и жизни «міра сего»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже данъ въ образѣ строго принципіальной, свободной отъ всякаго «примиренчества» жизни Іисуса

Христа. Но для пониманія значенія юродства, этого яркаго пути людей съ исключительной силой воли, необходимо вспомнить слова Христа: «не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю, не миръ пришелъ Я принести, но мечъ; ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его...» (Мѳ. 10, 34.35). Такимъ раздѣляющимъ мечомъ является все Его ученіе и вся Его жизнь, разложившіе міръ на немногихъ — въ началѣ — Его послѣдователей и остальную, тогда не принявшую Его массу человѣчества, для которой Его крестъ — юродство и безуміе... Спаситель не искалъ пути примиренія со Своими противниками, чтобы путемъ первоначальныхъ уступокъ постепенно привести ихъ къ правильному пониманію образа Мессіи. Такія уступки и приспособленія къ психологіи книжниковъ и фарисеевъ было бы ложью и сѣтью сатаны для уловленія рѣшительно ставшихъ у креста Христова, полнымъ крахомъ Его дѣла. Вся исторія Церкви, если послѣднюю признать какъ Тѣло Христово съ главою Христомъ, а не какъ организацію съ іерархіей или папой во главѣ, есть углубленіе продолжающагося расчлененія людей на членовъ Церкви и слугъ царства сатаны. Между ними невозможенъ миръ, возможный только въ формѣ приспособленія Церкви и христіанства къ «міру сему». Къ несчастію для міра это «приспособленіе» характеризуетъ всю новую исторію: Гегель, отрицательная Тюбингенская школа раціоналистическаго богословія, стремившагося сгладить «крайности» Евангелія, никого не привлекли къ христіанству, но многихъ оторвали отъ него. Пфлейдереръ въ предисловіи къ своей работѣ объ ап. Павлѣ съ гордостью говоритъ о заслугѣ протестантскихъ богослововъ въ дѣлѣ примиренія христіанства съ наукой. Эта примиренческая работа привела въ наше время къ «энтмиѳологизаціи» Евангелія и нами переживаемому міровому краху. Все болѣе очевидными становятся результаты этого примиренія и приспособленія, попытки устранить принесенный Христомъ на землю мечъ расчленяющій: атеизмъ и моральное разложеніе съ общественныхъ верховъ все больше проникаетъ въ народныя массы. Между сынами Божіими и слугами сатаны не можетъ быть никакого мира. Міръ стоитъ передъ рѣшительнымъ вопросомъ: приспособленіе къ атеизму и антихристіанству, сотрудничество съ ними или — раздѣленіе

и борьба въ духѣ борьбы Христовой? Юродивые даютъ не на словахъ только, но и въ жизни рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ и напоминаютъ слова Христа: не миръ Я принесъ на землю, а мечъ расчленяющій. Къ этому расчлененію давно призывали старцы, и голосъ ихъ не умеръ въ душѣ русскаго народа. Примѣръ рѣшительной борьбы съ «міромъ» даютъ юродивые, и въ этомъ ихъ величайшее историческое значеніе. Юродство святыхъ юродивыхъ, монашества и всѣхъ рѣшительно ставшихъ на сторону Христа — голосъ Бога ко всѣмъ зовущимъ къ примиренію съ «міромъ симъ».

Проф. И. П. Четвериковъ.